

УДК 172

**ЭТИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
ВИКТИМНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ****Н.И. Гончарова**
Одесса, Украина

Проблема виктимности (от лат. *victima* – жертва) в качестве объекта научного исследования была выделена приблизительно в середине прошлого века. Вначале интерес к ней диктовался вполне практическими потребностями юристов: нередко в рамках совершенного преступления (правонарушения) необходимо определить роль жертвы преступления (потерпевшего) для более точной квалификации преступного деяния и, следовательно, наказания виновного.

Именно в таком виде указанная проблема рассматривалась представителями криминального и криминально-процессуального права, а также криминалистами, представителями судебной медицины, правовой статистики и многих других дисциплин, не выходя при этом за рамки «частного случая». Но стремительное развитие криминологии привело к закономерному выводу о том, что сама по себе жертва преступления является отнюдь не случайным элементом в структуре противоправного деяния, и что изучение преступления (а тем более преступности в целом) как системы не может быть проведено без соответствующих исследований феномена жертвы преступления.

Новое направление научной мысли получило свое официальное признание после появления в свет известной книги Гетинга «Преступник и его жертва» (1948 г.) и последующие годы стали годами активного развития и апробирования виктимологических теорий.

Анализ криминологических и виктимологических публикаций второй половины двадцатого века с редкой наглядностью показывает, как те или иные философские идеи «обрастали мышцами» криминологического-виктимологического исследований программ и приобретали конкретное выражение в рекомендациях по профилактике преступного и виктимного поведения, правительственных программах по предупреждению виктимности, и даже в нормах уголовного права. Системный подход, концепция социализации личности, теория многофакторного подхода, элементы психоанализа – все эти теоретические конструкции в той или иной мере «применялись» к феномену виктимности, находя своих поклонников и противников.

Характерно, что сами философы с редким единодушием игнорировали проблему жертвы, и даже обращаясь к исследованию правовых феноменов, главным образом сосредотачивались на проблеме преступника и преступности. И.А. Ильин, автор классического труда «О сущности правосознания», Н.О. Лосский, разрабатывавший в рамках своей этической системы теорию имманентного наказания, В.С. Соловьев, размышлявший над условиями и методами перевоспитания преступников, вплоть до особенностей устройства пенитенциарных учреждений, – все они, подобно Гегелю, анализ правонарушения (в смысле нарушения *права как такового*) начинали с субъекта противоправного деяния (преступника) и оканчивали наказанием, именно в последнем усматривая «подлинное примирение права с самим собой». [1, с. 258] При этом «потерпевшая сторона» оставалась в тени «потерпевшего всеобщего» [1, с. 258]

Надо сказать, что данная позиция характерна не только для отечественной философии, и не только для XX века. Она, в общем-то, является традицион-

ной. Правда, религиозная философия (в особенности, христианская) уделяла феномену жертвы огромное значение, но исключительно в аспекте добровольной жертвы Богу. Жертвенности как этической и эстетической ценности посвящены многочисленные теологические трактаты, собственно вся мощь церковной организации в качестве одного из столпов своего существования зиждется на жертвенности в каком-либо ее варианте. Жертва по произволу, по стечению обстоятельств, жертва случайная, не желающая быть жертвой, такого внимания не привлекала.

Как уже указывалось, преодоление данной традиции, на какой бы основе она ни сложилась, началось именно в правовых дисциплинах. Процесс осмысления жертвы как субъекта мышления и действия предполагал при этом выделение особого свойства или качества данного субъекта, которое отражало бы некую особенность его существования, попросту говоря то, что отличает «жертву» от «нежертвы». Терминологически оно было определено как «виктимная склонность», или же, в более позднем варианте – «виктимность» (термин, введенный в обиход отечественными криминологами, в частности, Л.В.Франком). О содержании данного понятия до сих пор идут ожесточенные споры, поскольку, и это очевидно, философские диспуты о сущности человека вначале перекочевали в криминологию, приняв форму дискуссий об объективных и субъективных причинах преступного поведения, а затем с той же энергией были продолжены при определении доминирующих факторов поведения и личностного становления жертвы.

Наиболее взвешенная, на наш взгляд, позиция определяет виктимность как *уязвимость* субъекта (индивида, какой-либо общности, юридического лица) для внешнего насилия. При этом мы можем говорить о двух составляющих виктимности: социальной защищенности (или незащищенности) субъекта в данном обществе, и его субъективной предрасположенности к тому, чтобы стать жертвой (последняя может обуславливаться, например, психофизическим состоянием, социальным статусом, способностью адекватной оценки обстоятельств и т. д.)

Итак, понятие виктимности первоначально было выработано как категория криминальной виктимологии, в соотношении с понятиями «преступность», «потерпевший», «закон», «ущерб». Между тем, уже родоначальники криминальной виктимологии предполагали, что действительный предмет данной науки не может ограничиваться лицами, потерпевшими при совершении преступлений. Речь шла о «...необходимости глубокого и всестороннего теоретического изучения жертв – будь то пострадавшие от преступных деяний или от несчастных случаев», в том числе – «на ... психологическом и социальном уровнях», т.е. об изучении феномена виктимности в глобальном социальном смысле. [2, с. 14–15].

То есть, развивая криминальную виктимологию, ее создатели постоянно имели в виду и некие более широкие перспективы, которые давали бы возможность выхода за границы правовой сферы. Такова сверхзадача, которая для своего решения требует совместных усилий как правоведов, так и представителей широкого круга социальных наук. Вместе с тем вполне возможным представляется первичный анализ, и обобщение сделанного в исследовании феномена виктимности к настоящему времени, и выделение некоторых общих факторов, которые могут служить гипотетическими основаниями для более фундаментальных исследований.

В качестве таких факторов на сегодняшний день могут быть названы:

1. Рост масштабов социальной дистанцированности и связанные с этим процессы стереотипизации (*обезличивания*) индивидов.

Применительно к нашей стране данная проблема впервые была озвучена на международном криминологическом семинаре в 1987 г. и, в интерпретации одного из ее участников, звучала так: «Растет социальная дистанция, психологическая «отдаленность», люди видят друг в друге лишь частный случай, персонализированное воплощение конкретной социальной функции. ... Применить же насилие к безликому символу стереотипизированного образа психологически легче, что часто и проявляется в виде так называемых «безмотивных» насильственных преступлений». [3, с. 9–10].

2. Формирование негативного образа жертвы, в частности, как результат двух взаимодействующих, хотя и не однозначных факторов в сфере культуры: распространения форм маскульта и разрастания криминальной субкультуры.

Дело в том, что и в одном и в другом случае жертва оценивается однозначно негативно, как нечто, не по праву противостоящее Герою («крутому парню» или «вору в законе» – в данном случае безразлично). В маскульте жертва – нечто безликое, своего рода материал, на котором раскрывает свои способности Герой (или Антигерой). В криминальной субкультуре ситуация еще более усугубляется сознательной подменой позитивных и негативных доминант поведения.

3. Изменение уровня агрессивности/конформизма в обществе

Как показали уже классические эксперименты по психологии конформизма (в частности, эксперименты Шерифа, Милграма, Аша и т.д.), агрессивность и конформизм являются взаимообуславливающими факторами. При этом можно проследить не только взаимосвязь между уровнями агрессивности и насилия, но также между уровнями конформизма и виктимности.

4. Процессы социальной фрустрации, которые порождают специфический виктимологический феномен, а именно: социально-психологическую готовность быть жертвой.

Изучение данного фактора в настоящее время только начинается. Выделен он в качестве одного из результатов исследований, посвященных проблемам нелегальной миграции [4], но к сходным выводам приходят и другие исследователи, изучающие поведение отдельных категорий жертв преступлений.

Итак, нами выделен некоторый ряд значимых факторов, которые также могут быть использованы в качестве оценочных характеристик социума, объективно отражающих уровень его виктимизированности, как внешней (в плане виктимности коллективного субъекта), так и внутренней (имеется в виду виктимность его представителей внутри самого социума). Именно указанные факторы, на наш взгляд, требуют дальнейшего изучения и осмысления применительно к проблеме виктимности в современном обществе.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
2. Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. – Горький: ГВШ МВД СССР, 1979. – 84 с.
3. Яковлев А.М. Преступность в условиях города (социально-психологический аспект). // СССР – США: криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с городской преступностью: Сб. статей. – М.: Ин-т гос-ва и права АН СССР, 1987. – С. 5–13.
4. Албул С.В. Некоторые криминологические проблемы нелегальной миграции // Материали міжнародної науково-практичної конференції: «Актуальні проблеми діяльності ОВС по попередженню, розкриттю та розслідуванню злочинів». Ч. 1. Проблеми попередження правопорушень. (Одеса, 19–20 жовтня 2000 року). – Одеса: НДРВВ ОІВС, 2000. – С. 156–160.